

А. А. Немировский^{ab}

ORCID: 0000-0001-8023-8817

✉ sidelts@inbox.ru^a *Институт всеобщей истории РАН
(Россия, Москва)*^b *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)*

«МИРОВАЯ» ДЕРЖАВА: АЗИАТСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ XVIII ДИНАСТИИ В НАУЧНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОГО ДОВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье рассматривается освещение азиатских завоеваний египетской XVIII династии (XVI–XIV вв. до н. э.) в историографии советского довоенного времени. Влияние одномерно-тенденциозного массива египетских источников, рисующих эти завоевания в преувеличенно-триумфальном свете, оказывало своеобразное давление на исследователей и побуждало их также изображать эти завоевания преувеличенно сравнительно с тем, что и тогда можно было бы установить по имеющимся источникам. Для объяснения причин этих завоеваний привлекались, в духе тогдашних мировых историографических тенденций, скорее сравнительно-умозрительные конструкции и аналогии с явлениями иных времен, чем данные источников. При этом в особенной степени в отрыв от источников и противоречие с ними входили именно марксистско-ленинские умозрительные схемы (осмыслявшие египетские экспансию как погоню за рабами), в то время как немарксистские авторы были в этом отношении намного умереннее, например, Б. А. Тураев частично корректировал умозрительный характер распространенных схем в пользу конкретных данных источников.

Ключевые слова: XVIII династия, гиксосы, Митанни, Азия, Тураев, Вишпер, Хвостов, Струве, Францов, историография

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-20-09-41014 «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

Для цитирования: Немировский А. А. «Мировая» держава: азиатские завоевания XVIII династии в научно-учебной литературе советского довоенного времени // Шаги/Steps. Т. 7. № 4. 2021. С. 103–123. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-103-123>.

*Статья поступила в редакцию 1 ноября 2020 г.
Принято к печати 12 декабря 2020 г.*

A. A. Nemirovsky^{ab}

ORCID: 0000-0001-8023-8817

✉ sidelts@inbox.ru^a *Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*^b *National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)*

“WORLD” SUPERPOWER: ASIAN CONQUESTS OF THE EIGHTEENTH DYNASTY IN PRE-WAR SOVIET SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LITERATURE

Abstract. The paper deals with the treatment of the Asian conquests of the Egyptian Eighteenth Dynasty (16th–14th centuries BC) in Russian historiography of the Soviet pre-war period. It is revealed that the influence of a homogenously tendentious massive of Egyptian sources (which naturally portrayed these conquests in an exaggeratedly triumphant light), exerted a kind of pressure on researchers and prompted them also to depict these conquests in an exaggerated way in comparison with the reality that could already in those times be well traced on the basis of then available sources. To explain the reasons for the expansion of the Eighteenth Dynasty in Asia, in the spirit of wide-spread trends of world historiography of the epoch, comparative-speculative constructions and analogies with phenomena of other times rather than the data of Egyptian sources were used. It is noteworthy that such an “estrangement” from the sources, even up to serious contradiction with them, in favor of speculations and distant analogies, was much more developed in Marxist-Leninist speculative schemes (which interpreted Egyptian expansion in Asia first of all as a hunt for slaves) than in works of non-Marxist authors of the epoch who were much more moderate in this respect. B. A. Turaev showed a tendency to correct some generally accepted speculative and exaggerated features of widespread Egyptological schemes of the time in favor of concrete data from sources.

Keywords: Eighteenth Dynasty, Hyksos, Mitanni, Asia, Turaev, Vipper, Khvostov, Struve, Frantsov, historiography

Acknowledgements. This work was supported by the RFBR-20-09-41014 grant “From the Holy Land to the slave-owning formation: the history of the Ancient Near East in Russian historical science of the 20th century”.

To cite this article: Nemirovsky, A. A. (2021). “World” superpower: Asian conquests of the Eighteenth Dynasty in pre-war Soviet scientific and educational literature. *Shagi / Steps*, 7(4), 103–123. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-103-123>.

Received November 1, 2020

Accepted December 24, 2020

Азиатские завоевания XVIII династии (прежде всего Тутмоса III) уже много десятилетий входят в очень узкий набор конкретных сюжетов истории древнего Востока, с которым в обязательном порядке знакомят российских школьников. Хотя в отечественной исследовательской литературе эта тема не принадлежала к числу популярных, в учебных пособиях для высшей школы и в обобщающих трудах она, разумеется, занимала подобающее место. Настоящий очерк посвящен представлению ее в отечественной науке довоенного советского времени — периода, когда унаследованная от прошлого традиционная историко-критическая парадигма с элементами позитивистских и неокантианских влияний сосуществовала с марксистской и сменялась ею¹. По нашему мнению, обсуждаемый вопрос интересен тем, что на компактном и сжатом по объему историографическом материале общих работ (к специальным исследованиям обсуждаемой темы отечественные ученые в то время не обращались, да и в позднее такие исследования были редки) здесь можно проследить и ряд специфических черт науки того времени, и общий для исследователей любой эпохи фактор — неизбежную подверженность «информационному давлению» массива доступных источников, если он тенденциозен и однороден.

В 1920–1930-е годы интересующая нас тема освещалась в отечественной науке в обобщающих трудах и учебных пособиях² — сначала в основанных на текстах 1900–1910-х годов посмертных изданиях работ М. М. Хвостова (его «История древнего Востока» [Хвостов 1909] в обработке 1927 г. антиковедом Г. М. Пригоровским до середины 1930-х служила главным отечественным учебным пособием по теме) и Б. А. Тураева [1922; 1935], а также прижизненных — Р. Ю. Виппера [1922; 1925], а потом в серии заново подготовленных марксистских учебников В. В. Струве [1934; 1936; 1941] и в научно-популярном общем очерке истории Египта И. Л. Снегирева — Ю. П. Францова (Францева; начинавшего как египтолог), также марксистском по заявленным подходам [Снегирев, Францов 1938]. Разумеется, заявленная там картина азиатских завоеваний XVIII династии формировалась под влиянием иностранных разработок этой темы (специальных ее исследований в России, повторим, тогда не вели), однако здесь нас интересуют не соответствующие историографические корни представлений отечественных авторов об обсуждаемом сюжете, а сами эти представления. По проблематике они распадаются на два блока: реконструкция фактического хода азиатских завоеваний XVIII династии и социально-политические объяснения этих завоеваний, т. е. реконструкция причинно-следственных связей. Во второй области различия между «традиционными» и марксистскими историками было, разумеется, глубже.

Прежде чем перейти к освещению нашего историографического материала, необходимо кратко оговорить, какими данными располагали его авторы. Комплекс египетских источников, освоенный к обсуждаемому времени, был собран, например, в ARE и подробно отражен в таких сводных трудах, как [Meuser 1884–1902; Breasted 1905 = Брэстед 1915; Breasted 1931] (ср. карту на с. 110).

¹ Из новейших работ о ситуации того времени в отечественном изучении древнего Ближнего Востока укажем: [Крих 2013; 2018; Ладынин 2019а; 2019б].

² Об их авторах см.: [Володихин 1997; Алмазова 2019] (Р. Ю. Виппер), [Струве 1948; Шаров 2001] (Б. А. Тураев), [Крих 2015; 2016а; Ладынин 2016а; 2016б; 2019а] (В. В. Струве), [Алмазова 2017] (М. М. Хвостов), [Романовский 2003] (Ю. П. Францов).

Известные тексты Яхмоса I и его современников, а также Тутмоса I (вторая половина XVI в. до н. э.) сообщали, что Яхмос после взятия Авариса и другого гиксосского центра, Шарухена в Южной Палестине, продолжил завоевания в неопределенно широких районах Палестины и Финикии, а Тутмос I позднее совершил успешный поход в Северную Сирию, которую он прошел до Евфрата, победив митаннийцев («Нахарину»). Анналы Тутмоса III (1490–1436) сообщали, что к началу его самостоятельного правления и, соответственно, его походов практически все бывшие азиатские владения Египта отпали от него и составляли союз во главе с князем Кадеша, причем в составе союзной армии (составшейся в Мегиддо, чтобы противостоять Тутмосу при первой его попытке вернуть утраченное) оказались и митаннийские контингенты (воины «Нахарины»). Дальнейшие сообщения Анналов говорят исключительно о победах и покорениях территорий вплоть до различных северосирийских местностей и большой излучины Евфрата, при которой Тутмос III вновь разбивает митаннийцев (кампания 33-го года правления, когда египтяне занимали Каркемиш — самый северный из затронутых ими центров, упоминаемых в Анналах вообще). Но при этом не раз оказывается, что новые победы одерживаются в местностях, лежащих южнее тех, где были одержаны предыдущие, или в тех же самых местностях (из чего при детальном анализе вытекало бы, что египтяне теряли соответствующие области и были вынуждены завоевывать их вновь, причем им не всегда удавалось вернуть потерянное целиком). Наконец, последняя (42-го года правления) кампания Тутмоса по Анналам (вслед за ее описанием там следует подытоживающая все азиатские войны Тутмоса формула) разворачивается, после некоторого перерыва в его военной активности, в центральной Финикии и в области Кадеша, т. е. в Южной Сирии; Тутмос хвалится взятием здесь нескольких центров (о судьбе самого Кадеша ничего не говорится), причем в области Кадеша ему опять противостоят митаннийские войска. Из такого отражения финала войн Тутмоса III следовало бы, видимо, заключать, что митаннийцы организовали контрнаступление, продвинулись до Южной Сирии, и Тутмос смог вернуть лишь часть последней, а ранее занимавшиеся им территории Северной Сирии остались по итогам его войн (т. е. кампании 42-го года) вне египетского контроля. Известные к началу XX в. надписи его преемника Аменхотепа II сообщали о разгроме этим царем азиатов в Тихси — области опять-таки Южной Сирии, еще южнее Кадеша. Следующим изученным тогда репрезентативным источниковым комплексом по азиатской экспансии XVIII династии была уже Амарнская переписка (ок. середины XIV в.), из которой известно, что со времен Тутмоса IV (ок. 1400 г.) были установлены мир и дружба Египта с Митанни; при этом в переписке всесторонне отражен контроль Египта над Палестиной и Южной Сирией, но не над Сирией Северной (хотя некоторые северосирийские княжества там упоминаются).

Из всего этого в совокупности при специальном анализе, казалось бы, можно было заключить (или по меньшей мере заподозрить), что после удачного прорыва Тутмоса I в митаннийскую сферу влияния — Северную Сирию — египетские завоевания в Азии шли довольно трудно; что дальше этих достижений Тутмоса I египтяне так и не смогли продвинуться, а удержать их тоже не смогли — вновь и вновь они утрачивали весьма обширные части своих азиатских завоеваний; несмотря на всю активность Тутмоса III в деле их полного восстановления до Ев-

фрата, добиться этой цели иначе как на короткое время ему не удалось, и по итогам его войн Северная Сирия так и оставалась вне египетского контроля (входя в сферу влияния Митанни), причем это положение в основном сохранялось далее, было закреплено египто-митаннийским союзом при Тутмосе IV и существовало при Аменхотепе III, широко отразившись в Амарнской переписке.

Такие выводы и были сделаны в мировой историографии — но в полной и детальной мере лишь после Второй мировой войны, в капитальных работах В. Хелька и Х. Кленгеля [Helck 1962; Klengel 1965–1970]. Исключительно интересным, с нашей точки зрения, и показательным историографическим фактом является то, что в освещаемой нами здесь исторической литературе (и далеко не только в ней) с уверенностью рисуется прямо противоположная и намного более успешная для египтян картина (см. подробно ниже). Причина этого опознается без сомнений и необходимости в дискуссии — это характер и изобилие египетских источников и оказываемое ими «информационное давление» на исследователя. Общий тон и содержание египетских памятников XVIII династии, отражающих отношения Египта с Азией, естественно, носит сугубо триумфальный характер — кроме полных успехов, египтяне в них ничего ни при каких столкновениях с азиатами не добиваются (упоминаются иногда восстания, победоносно подавленные, согласно текущему источнику). В перечни повергнутых фараоном, трепещущих перед ним и умоляющих его стран включаются великие державы Передней Азии наряду со всеми сиро-палестинскими областями, и тот факт, что ничего конкретного о степени подчинения (и даже о самом факте подчинения) этих держав и многих иных областей Азии Египту при этом не говорится (фигуративная и текстовая информация египетских памятников на этот счет почти всегда крайне неконкретна), лишь ненамного скрадывает впечатление постоянного и безоговорочного доминирования Египта над сопредельными пространствами Азии. Точно так же терминологическое и фигуративное неразличение собственно дани и дипломатических даров (широко представленных и в публичных текстах, и в гробничных изображениях), тем более в совокупности с вышеназванными источниками, создает общее впечатление «гегемонии» Египта в Азии³. Когерентность и определенность всей совокупности египетских источников так или иначе влияла на исследователей, мешая им обращать пристальное внимание на неявные или редкие детали (в основном это некоторые географические указания в отражениях нескольких походов), которые позволили бы при специальном их изучении скорректировать впечатление от остального массива информации. При этом источники, которые были бы способны хоть как-то уравновесить этот массив обратными впечатлениями, были в обсуждаемое

³ Характерно, что этот вопрос специально отражен у М. М. Хвостова, писавшего, что Тутмос в своих *Анналах* горделиво хвалился получением дани от хеттов, Вавилонии и Ассирии, но дань эта существовала лишь в воображении фараона: на деле это были, разумеется, лишь дипломатические дары [Хвостов 1927: 144, 152]. Хвостов был антиковедом, а не собственно египтологом, и Тутмос III у него тут оказывается ответчиком за соответствующее восприятие данных выражений его *Анналов* некоторыми позднейшими специалистами, наподобие Г. Грапова (ср. разбор в [Авдиев 1959: 124]): сами эти выражения просто не отличают строго «дани» от «даров / приношений» (хотя употреблялись стандартно и для дани как таковой, так что их применение здесь было, очевидно, вызвано египетским стремлением создать возможность восприятия этих даров именно как дани или чего-то близкого к ней).

нами время еще неизвестными либо не вошедшими толком в мировой или отечественный научный оборот⁴.

В результате воздействия египетских памятников и уже сложившейся инерции их восприятия отечественная довоенная историческая литература рисовала ход и пределы азиатских завоеваний XVIII династии следующим образом (см. карту на с. 110).

По Б. А. Тураеву («История древнего Востока», далее также ИДВ [Тураев 1935] — посмертное переиздание работы [Тураев 1913], дополненное изменениями 1917 г. и позднейшими; очерк «Древний Египет», далее также ДЕ [Тураев 1922] — изданный также посмертно и ранее, но подготовленный, видимо, позднее, в 1918–1919 гг.⁵), Яхмос I в продолжение своих побед над гиксосами в самом Египте подчинил сопредельные районы Азии вплоть до каких-то районов Финикии [ДЕ: 75; ИДВ: 259]; его преемники расширяли завоевания, и Тутмос I покорил Северную Сирию до Евфрата [ИДВ: 261]; затем, в пору «династических смут» (соправление Хатшепсут с Тутмосом III), Сирия и североцентральная Палестина отпали и восстановили независимость [ИДВ: 265], коалиция местных князей пыталась противостоять Тутмосу «без сомнения, в союзе с Митанни» [ИДВ: 265], но Тутмос в ходе своих известных по Анналам походов, победив несколько раз Митанни, довел границы египетских владений до Евфрата, включив в них всю Северную Сирию [ИДВ: 265–268], причем уже после первого похода Египет стал «гегемоном тогдашнего мира» [ИДВ: 265]. Тураев специально отмечает, что в последнем (42-го года) походе Тутмоса «были снова опустошены финикийские города и снова взяты Тунип и Кадеш»⁶ (хотя, как отмечено у самого автора, эти центры покорялись ранее и уже в 33-м году Тутмос успешно завоевывал намного более северные области до Евфрата), но не выводит отсюда, что египтяне были оттеснены по сравнению с 33-м годом на юг (и потому не считает заслуживающим упоминания присутствие митаннийских войск как противников Тутмоса в области Кадеша в 42-м году); напротив, по его оценке, походы Тутмоса «в Сирию» (последним из них и был поход 42-го года) «имели своим последствием то, что эта страна перестала думать о сопротивлении» [ИДВ: 268]. Границы владений Египта тем самым оказались доведены до Евфрата и даже до Тавра [ДЕ: 75], где и оставались далее [ИДВ: 271], в том числе в Амарнскую эпоху: при Аменхотепе III «Сирия, повергнутая походами предшествующих царей, не пыталась восставать против царя Египта» [ИДВ: 272], а граница египетских владений с

⁴ Таковы, например, источники, рисующие могущество митаннийского Парраттарны (начало XV в.) в Северной Сирии и Киликии, прежде всего надпись мукишского князя Идрими, или новохеттский договор с Халапом, согласно которому в конце XV в. почти вся Северная Сирия переходила из митаннийских рук в хеттские и обратно, а египтяне не имели тогда к ней касательства, или договоры и летопись деяний Суппилулиумы I, из которых ясно видно, что и в Амарнскую эпоху, при Аменхотепе III и далее, Северная Сирия также была объектом митаннийско-хеттского противоборства, не входя в египетские владения. Правда, договор с Халапом и соответствующие договоры Суппилулиумы были уже изданы с немецким переводом в 1923 г. [Weidner 1923], но в отечественной литературе этот материал освоен еще не был.

⁵ Петроградское издательство «Огни» (1909–1922), выпустившее этот труд в 1922 г., заявляло его в своих объявлениях 1918–1919 гг. среди печатающихся или готовящихся им к печати [Бирюков 2000: 95].

⁶ Последнее утверждение — интерпретация фразы источника: «Пришли благополучно и достигли области Кадеша. Были захвачены три города там» [Urk. IV, 729 f.].

митаннийскими по-прежнему проходила вблизи Евфрата [ИДВ: 277]⁷; Египет оттеснили на юг от этой границы только хетты при Эхнатоне и далее [ДЕ: 76]. Упомянутых в Амарнской переписке северосирийских князей Тураев по умолчанию считает египетскими вассалами [ИДВ: 278], экстраполируя на них отраженный в этой переписке контроль египтян над более южными территориями⁸. В середине 1910-х годов Тураев подразделял эти египетские владения на два конгломерата: южный, Ханаан, и северный, Амурру, каждый из которых состоял из вассальных мелких царств под присмотром египетских наместников [ИДВ: 277–279]. В «Древнем Египте» он прибавляет важный тезис об административном неравенстве этих конгломератов: «Южная Сирия и Финикия» «вошли в Египетскую империю», а «область к северу, до Евфрата и Тавра», в противоположность им, — лишь «в сферу египетского влияния» [ДЕ: 75]. Таким образом, Тураев, в отличие от доминирующих тенденций историографии его времени, заметил в итоге, что применительно к Северной Сирии египетское господство источниками не фиксируется так, как к Южной (вероятно, Тураев обратил внимание на соответствующий контраст в Амарнской переписке⁹), и хотя не отказался от распространенного тезиса о египетском контроле над Северной Сирией от Тутмоса III до Аменхотепа III, но, как видим, существенно скорректировал его. Наличие вассальных местных династий в Египетской Азии побудило Тураева подчеркнуть, что она «не была провинцией в римском или даже в ассирийском смысле» [ИДВ: 278].

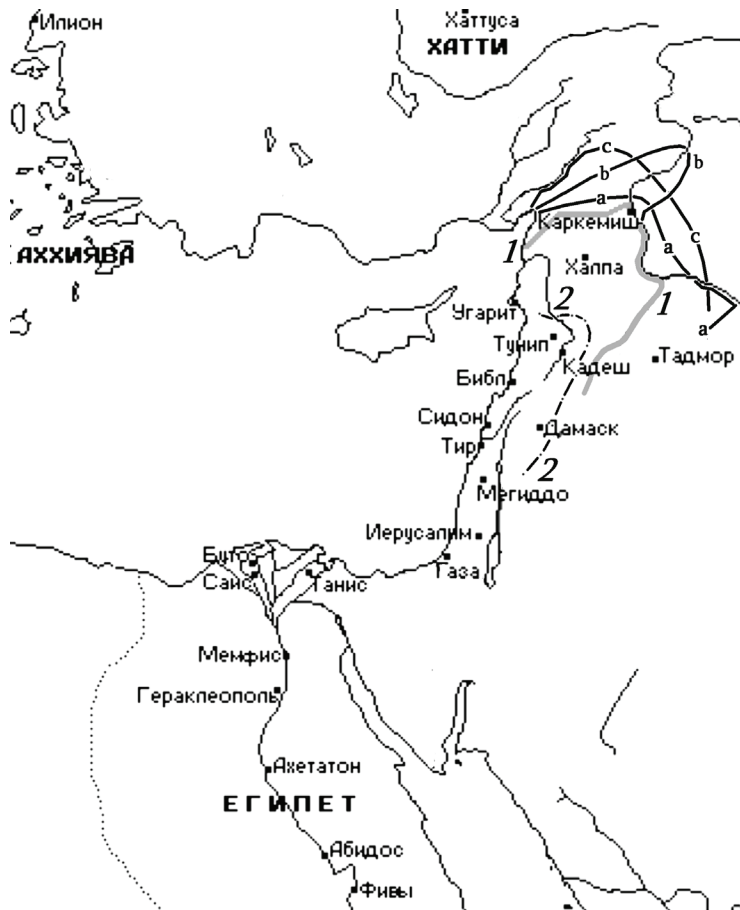
При такой реконструкции неизбежно получалось, что любое столкновение, вовлекавшее египтян в Сирии — Палестине, начиная с середины правления Тутмоса III и до кризисного исхода XVIII династии было лишь подавлением изолированных местных восстаний внутри египетских владений (так и рисует дело Б. А. Тураев в той степени, в какой останавливается на соответствующих событиях¹⁰).

⁷ Уверенность в этом побудила Б. А. Тураева локализовать «где-нибудь вблизи Евфрата» «Харвухе» (читать на деле *Хурвухе*) и «Машрианне» — названия, упомянутые в хурритоязычном царском письме из Митанни к Аменхотепу III (Амарнское письмо EA 24, ii 68–72 и др.). Тураев разделял мнение, что это были города, размежеванные между Митанни и Египтом при пограничном урегулировании, а потому и помещал их при Евфрате [ИДВ: 273] (как выяснилось много позже, на деле эти термины значат по-хурритски «страна Хурритская» = Митанни и «страна Масрийская» = Египет, и в соответствующем месте письма выпенне говорится о братском разделении отправителем и адресатом владычества над Митанни и Египтом).

⁸ Характерно приведение Б. А. Тураевым для эпохи Аменхотепа III примеров употребления традиционной египетской формулировки, по которой южный рубеж владений фараона — Карои (в Куше), а северный — Нахарина (Митанни) [ИДВ: 274, 280]: ученый явно исходит из того, что Нахарина здесь — собственно Митанни (лежало от Евфрата на восток), и тем самым границы Египта эта формула проводит по Евфрату. В действительности, не говоря о возможности инерционного употребления названной формулы, «Нахарина» в ней может подразумевать Митанни вместе с любыми его владениями в Сирии к юго-западу от Евфрата.

⁹ Из подробного цитирования ее в ИДВ видно, что Б. А. Тураев пристально интересовался этим источником и хорошо его знал, а других материалов, по которым можно было бы судить о сравнительной степени административного контроля Египта над теми или иными областями Азии, в распоряжении ученых тогда, как представляется, не было.

¹⁰ Большинство ученых того времени, как кажется, не задавались вопросом, какой смысл князьям Сирии поднимать подобные восстания без опоры на внешнюю военную поддержку при колоссальном неравенстве их сил с Египтом, а признавали такой характер столкновений с египтянами в Азии как бесспорный факт, который остается принимать «как есть».

Азиатские завоевания XVIII династии в отечественной историографии советского довоенного времени

- 1 — рубежи, временно достигавшиеся в Азии завоеваниями Тутмоса I и Тутмоса III
- 2 — примерный рубеж египетских владений в Азии к концу войн Тутмоса III и в течение большей части второй половины XV — середины XIV в., включая Амарнское время
- a — граница прочных завоеваний Тутмоса III и дальнейших азиатских владений XVIII династии по Р. Ю. Випперу [1922: 91; 1925: 70]
- b — граница прочных завоеваний Тутмоса III и дальнейших азиатских владений XVIII династии по В. В. Струве [1941: карта 2]
- c — граница завоеваний Тутмоса III по [Францев 1956: 317]

Expansion of Dynasty XVIII in Asia in Russian historiography of Soviet pre-war period

- 1 — temporary limits of conquests of Thutmose I and Thutmose III
- 2 — approximate limits of Egyptian dominions in Asia to the end of wars of Thutmose III and during main parts of mid-15th — mid-14th centuries BC (including Amarna period)
- a — limits of firm conquests of Thutmose III and further dominions of Dynasty XVIII according to [Vipper 1922: 91; 1925: 70]
- b — limits of firm conquests of Thutmose III and further dominions of Dynasty XVIII according to [Struve 1941: map 2]
- c — limits of firm conquests of Thutmose III in [Frantsev 1956: 317]

Аналогичен ход событий по М. М. Хвостову. Яхмос продолжает борьбу с гиксосами Авариса завоеваниями в Азии, Тутмос I первым доходит до Евфрата и присоединяет Северную Сирию [Хвостов 1927: 139], Тутмос III совершает «не менее 15 походов для укрепления границ Египта» и снова делает египетской границей Евфрат, уже достигавшийся Тутмосом I [Там же: 142]. Характерно, что Хвостов не останавливается ни на том, из-за чего рубеж по Евфрату пришлось восстанавливать, ни на том, почему для «укрепления границ» нужно было совершить «не менее 15 походов». Это молчание нельзя оторвать от высказанной им общей оценки доминирования Египта в то время: «в ближайших частях Передней Азии первые фараоны-завоеватели из XVIII династии, до Тутмоса III включительно, не могли встретить серьезного сопротивления, что и дало им возможность продвинуть северную египетскую границу вплоть до Евфрата» [Там же: 144]. Если уж отмеченные самим Хвостовым факты (необходимость для Тутмоса восстанавливать границы по Евфрату и совершать полтора десятка походов для их «укрепления») не обратили на себя его внимания и не побудили считать, что египтяне как раз сталкивались в Сирии — Палестине с «серьезным сопротивлением», которое им и пришлось преодолевать с такими усилиями, — то неудивительно, что он не объясняет эти факты, воспринимая их, несомненно, как подавление локальных восстаний, а не изнурительное противоборство с другой великой державой (Митанни). Следующие цари «сумели поддержать империю Тутмоса III в прежних границах» [Там же: 153], и они сохранялись при Аменхотепе III; только хеттское наступление в финале Амарнского времени стало угрозой власти египтян над Сирией — Палестиной [Там же: 154].

Аналогично, хотя и кратко, рисует ситуацию Виппер: изгнав гиксосов, фараоны XVIII династии продолжили этот успех дальнейшими завоеваниями в Азии, доведенными до апогея Тутмосом III, покорившим «всю Сирию до реки Евфрата и до гор Тавра» [Виппер 1925: 66; 70; 1922: 82]; это господство отражено и в Амарнской переписке [Виппер 1925: 66; 1922: 82]. Лишь за горами Тавра обитали хетты, недоступные для египетской экспансии и сами позднее бросившие вызов египтянам [Виппер 1922: 84–86].

В этот вопрос не внесли нового и советские историки-марксисты предвоенной эпохи (несмотря на теоретически ожидаемую большую критичность по отношению к египетской царской пропаганде). В. В. Струве [1934; 1936; 1941] даже усилил размах египетских достижений в Азии по сравнению со своими предшественниками. В его варианте реконструкции азиатские завоевания Яхмоса I и особенно его преемников, продолжавшие его победоносную войну с гиксосами, оказываются исключительно интенсивными: согласно Струве, после Яхмоса «в течение сотни лет Египет не прекращает войн. Ежегодно египетские войска выходят за пределы Египта, чтобы грабить окрестные области» [Струве 1936: 257; 1941: 175] — хотя источники такого тезиса не только не поддерживают, но и явно ему противоречат¹¹.

¹¹ Для его принятия пришлось бы постулировать несколько десятков египетских походов, никак не отразившихся в наших источниках, а заодно задаться вопросом: куда же были направлены в Азии эти ежегодные походы, если большую часть соответствующего времени по В. В. Струве и др. вся Сирия — Палестина и так прочно контролировалась Египтом; не разоряли же египтяне собственные владения?

Тутмос I завоевал уже «всю Палестину, Финикию и Сирию» до Евфрата — границы собственно Митанни [Струве 1941: 175]. Отложение большей части египетских владений в Азии к началу походов Тутмоса в изложении В. В. Струве редуцировалось до того, что «царьки азиатских стран сделали попытку сбросить иго египтян» (насколько успешной и масштабной была эта попытка, остается неясным), «организовав коалицию» во главе с князем Кадеша, за спиной которой стояло Митанни [Там же: 176], хотя Анналы Тутмоса прямо говорят и о том, что почти все азиатские владения Египта «во времена иные» отпали от него, т. е. оставались независимы достаточно долго, и о том, что митаннийские войска вошли в Мегиддо в составе сил коалиции и прямо противостояли там Тутмосу (при описании этого похода Тутмоса [Там же: 177–178] митаннийцы у Струве тоже не упоминаются). Иными словами, не противореча Анналам прямо, изложение В. В. Струве рисует неудачи, понесенные египтянами в Азии к началу походов Тутмоса, и степень вовлеченности в них Митанни в существенно менее сильных и ясных выражениях, чем это делают сами Анналы.

Тутмос III у Струве прочно захватил всю Сирию до Евфрата [Струве 1936: 257–258, 262; 1941: 177, ср. 1934: 52] и даже «некоторые части юга Малой Азии» [Струве 1941: 179], а также «одержал победу и над Митаннийским царством, которое после этого вступает в тесный союз с Египтом» [Там же: 178], хотя последнее известие о Митанни в Анналах Тутмоса — это сообщение о пленении группы митаннийских воинов в области Кадеша в походе 42-го года, позднее Митанни упоминается в перечне военных противников Тутмоса IV [Urk. IV, 1560], а мир и дружба Египта с Митанни в Амарнской переписке отсчитываются только начиная с того же Тутмоса IV (т. е. от момента примерно на треть века позже, чем смерть Тутмоса III) — так что тезис Струве о том, что именно Тутмос III своими победами над Митанни вынудил его сменить протівостояние Египту на союз с ним, оказывается в лучшем случае очень смелой и не обоснованной источниками гипотезой.

В результате, по Струве, в египетские владения вошли вся Сирия — Палестина «и некоторые части юга Малой Азии», и такое положение сохранялось вплоть до Амарнского времени Аменхотепа III включительно [Струве 1941: 179]. Соответственно, о Египте этого времени он говорит как о «мировой» державе, подчеркивая это даже литературным оборотом, задающим ее «надматериковый» масштаб: «В результате походов, которые велись царями XVIII династии, создавалось египетское “мировое” государство на рубеже двух материков» [Струве 1936: 262 (разрядка наша)]. Степень интеграции внутри этой державы Струве оценивает существенно выше, чем Тураев (и в определенном противоречии с источниками): по Струве, в противоположность Тураеву, египетское господство как раз было подобно будущему ассирийскому — Египет с завоеванными краями «был довольно сплоченным государством, которое впоследствии найдет себе преемника в ассирийском государстве» [Там же: 263], а фараон был в одинаковой степени «деспотом» и для долины Нила, и «для большой территории, занятой классовыми обществами Сирии, Палестины и Финикии» [Там же: 263; Струве 1941: 181]; неизменное наличие в Египетской Азии вассальных династий и царств, совершенно невозможное в долине Нила, Струве, опять-таки в противоположность Тураеву, здесь игнорирует. В учебнике 1941 г. о вассальных царьках Азии говорится специально, но при этом они характеризуются как «царьки, посаженные силою египетского войска для управ-

ления покоренными областями» [Струве 1941: 179], в то время как в реальности местные династии египтянами обычно не сменялись — итак, даже наличие местных вассальных династий оказывается у Струве проявлением прямого административного вмешательства Египта в дела покоренных земель. Пределом развития этой оценки оказывается тезис: «Вся Передняя Азия <...> вынуждена была временно признать его [Египта] гегемонию» [Струве 1936: 263; 1941: 181], хотя известные и тогда, и потом источники не дают оснований для предположений о таком «признании». Все это сохраняется и при Аменхотепе III: «...Его гегемонию признают самостоятельные цари Передней Азии: царь хеттов, царь митаннийского государства <...> и, наконец, царь Вавилона. <...> Признав гегемонию Египта, они пытались получить от него подачки» [Струве 1936: 272–273; аналогично, в сокращении: 1941: 181]. Такие формулировки должны вызывать недоумение, поскольку Амарнская переписка между этими государями и фараонами подчеркнуто велась и по формуляру, и по содержанию в духе признания равного статуса этих владык (они взаимно признавали друг друга «великими царями» и «братьями»). Характерно, что Б. А. Тураев говорил лишь о некоем фактически достигнутом Египтом при Тутмосе III положении «гегемона тогдашнего мира» (см. выше), что является просто оценкой сравнительного могущества Египта и иных держав, а у В. В. Струве этот мотив превращается в тезис о «п р и з н а н и и» египетской гегемонии этими державами, что подразумевает еще и некие формальные неравноправные акты с их стороны, — а это уже существенно усиливает тезис о доминировании Египта, опровергается некоторыми источниками и не поддерживается никакими.

Картина азиатских триумфов XVIII династии, предложенная В. В. Струве, преувеличена по сравнению как с его источниками, так и с мейнстримом тогдашних представлений (включая отечественные), причем для преувеличенной этой второй группы источники не только не предоставляли оснований, но даже им противоречили. Объяснять это можно как личными увлечениями автора в процессе исторической реконструкции¹², так и, видимо, желанием усилить «эволюционную» цепочку великих держав имперского / надрегионального в современной терминологии типа (устойчиво осуществлявших «провинциальное» управление покоренными иноземными территориями), подобрав в этих отношениях предшественника для Ассирии. В самом деле, на роль такого предшественника если и можно было пытаться выдвигать какую-либо державу II тыс. до н. э., то разве что Египет Нового царства, и В. В. Струве в учебнике 1936 г. прямо аттестует Египет XVIII династии именно как предтечу Ассирии по «сплоченности» своих «мировых» завоеваний. Тому же желанию продемонстрировать некий очередной этап развития политической интеграции Ближнего Востока можно приписать тезис о «гегемонии» Египта, будто бы признанной державами Передней Азии: имей такое признание место в действительности, можно было бы в самом деле говорить о некоей новой ступени в той эволюционной лестнице, следующими ступенями которой оказались бы новоассирийская держава VII в. и Персидская держава.

Ю. П. Францов (Францев) в своем очерке истории Нового царства, вообще не останавливаясь на систематическом прослеживании изменения границ еги-

¹² О соответствующих сторонах деятельности В. В. Струве см.: [Крих 2015; 2016а; 2016b; Ладынин 2016а; Ладынин 2019а; Ильин-Томич 2016].

петских завоеваний, также рисует их как череду триумфов, считает экспансию Тутмоса I в Северную Сирию лишь набегами [Снегирев, Францов 1938: 220], походы Тутмоса III — прочными завоеваниями до Евфрата [Там же: 225–226], изменения объема египетских владений позже он не видит, никаких неудач и даже временных отступлений египтян не отмечает (отложение египетских владений в Азии к началу походов Тутмоса III, описанное его Анналами, при этом окончательно теряется). В таком виде египетская экспансия оказывается еще более и неизменно победоносной и нарастающей: Тутмос I совершает лишь набеги на сирийские земли до Евфрата, Тутмос III их уже завоевывает.

Таким образом, в представлении азиатской экспансии XVIII династии в отечественной литературе той эпохи обнаруживаются следующие черты (в немалой степени общие с мировыми): преувеличение масштабов и прочности итогов этой экспансии; тенденция к редуцированию сопротивления египтянам Азии до череды локальных восстаний сиро-палестинских князей при малом внимании к масштабам этого сопротивления, к трудностям, которые оно вызывало у египтян, и к вовлеченности Митанни в это сопротивление как крупной державы, оказывавшейся для Египта сильным соперником и не позволявшей ему на деле прочно удерживать контроль над Сирией до Евфрата. Причем у ученых, не выходивших за рамки «старой школы», эти тенденции проявлялись в значительно меньшей степени, чем у В. В. Струве (у которого они фактически вступали уже в довольно существенное и явное противоречие с известными источниками).

Второй блок мнений касается объяснения небывалых ранее египетских завоеваний при XVIII династии. При обращении к этому вопросу приходилось иметь дело прежде всего со следующими бесспорными фактами: во-первых, завоевания Яхмоса в Азии были прямым продолжением борьбы с гиксосами в Египте, так что азиатская экспансия XVIII династии, взятая как целое, оказывалась прямо вырастающей из этой борьбы; во-вторых, в источниках времен XVIII династии ярко отражены и добыча, захваченная во время походов, и пленные, которые массами пригонялись из них в Египет и использовались далее как рабочая сила, и регулярная дань, которая уплачивалась Египту покоренными областями. Эти факты отразились в рассматриваемых нами работах следующим образом.

Ученые-немарксисты и ученые, не ставившие перед собой целей произвести радикальный марксистский «переворот» в науке о древнем Востоке, одинаково отталкивались от первого из вышеупомянутых фактов и объясняли азиатские завоевания XVIII династии своего рода прямой инерцией борьбы с гиксосами и связанного с ней военно-политического подъема фиванской державы. Однако осмыслили они конкретные механизмы этой инерции существенно по-разному, причем, поскольку источники на этот счет ничего определенного не сообщают, эти осмысления поневоле оказывались в большой степени умозрительными, опиравшимися в конечном счете на общие аналогии с иными периодами всемирной истории и на абстрактную логичность гипотезы. Умереннее всего в этом отношении был Б. А. Тураев: по его оценке, фиванские цари — борцы с гиксосами — опирались в преодолении египетской раздробленности II Переходного периода на войско, так что мощь их власти оказывалась неразрывно связана с сохранением Египта как «централизованной военной державы» [ИДВ: 260]; по логике этой оценки дальнейшая экспансия была бы неизбежна как средство сохранения и упрочения достигнутой централизации и могущества царской власти. Кроме того, в духе распространенных кон-

цепщий эпохи Тураев прибегает к представлению о динамике национального «духа», у которого есть имманентные константы и вызванные историческими обстоятельствами временные модификации: «продолжительная борьба с гиксосами развила в египтянах военный дух» и создала постоянное войско, пригодное как эффективный инструмент для реализации этого духа, экспансия XVIII династии и явилась такой реализацией; однако «египтяне не были прирожденными воинами и империалистами, подъем их военного пыла был непродолжителен», чем и объясняется затухание войн и ослабление Египта к концу XVIII династии [ДЕ: 75–76].

Распространенная гипотеза (отраженная также у Б. А. Тураева [ИДВ: 267; ДЕ: 75]) объясняла продвижение XVIII династии в Азию еще и желанием вести борьбу с остатками гиксосских владений, будто бы продолжавшими там существовать после крушения гиксосских центров в Аварисе и Шарухене. Поводы к этой гипотезе подавали (помимо отголосков манефоновского представления о том, что гиксосы, отступив из Египта, сохраняли веками свое царство в Палестине) случаи употребления Тутмосом III применительно к своим врагам терминов *хекау-хасут* «чужеземные правители» [Urk. IV, 555, 593] и *шмау* «бродяги/кочевники» [Urk. IV, 740], в то время как оба эти термина прилагались и к аварисским гиксосам (хотя не являлись именно их обозначениями); Тураев прямо приводит один из этих примеров как доказательство того, что Тутмос III «ставил свои походы в тесную связь с освободительными войнами [против гиксосов Авариса]» [ИДВ: 267] (аналогично у Ю. П. Францова [Снегирев, Францов 1936: 227]).

У М. М. Хвостова эта гипотеза радикально развита тезисом о том, что гиксосы и некие родственные им племена после падения Авариса составляли кочевую племенную массу к северу от Египта, что египетские цари опасались угрозы с их стороны и повторения «страшной катастрофы» их нашествия на Египет и что азиатская экспансия XVIII династии была вызвана их стратегическим замыслом в предотвращении такой катастрофы оттеснить эту племенную кочевую массу «за пределы тех мест, до которых доходили их кочевья»; «Яхмосу приходится делать походы в Сирию для удаления гиксосов» [Хвостов 1927: 158–159]. Для этого построения источники не дают уже никаких оснований (оно навеяно скорее умозрительными соображениями о взаимодействии с кочевниками¹³), и при специальном и детальном обращении к хорошо известной уже тогда карте региона сразу обнаружилось бы, что для этих «кочевий», за пределы которых Яхмос и его преемники будто бы хотели оттеснить своими походами гиксосов как потенциальную угрозу, просто нет места: уже начиная от Газы на северо-восток идет полоса сиро-палестинских городов-государств, а в номадических группах Синая и его окраин египтяне никакой угрозы видеть не могли (и не в эти районы были направлены их походы).

Еще более умозрительно-«логичное» объяснение прямого продолжения борьбы с гиксосами азиатской экспансии XVIII династии дает Р. Ю. Виппер: у него Яхмосу приходилось думать о том, как «занять своих многочисленных воинов» после объединения Египта; «в наше время» после войны солдат рас-

¹³ Возможно, на фоне отголосков того факта, что термин *шмау* «бродяги / пришлые чужаки / кочевники» пренебрежительно применялся Хатшепсут к гиксосам Авариса [Urk. IV, 390], а Тутмосом III — к враждебным ему сиро-палестинским князьям [Urk. IV, 740].

пускают по домам, но «воины в старинном Египте и Вавилоне смолоду знали только одно дело — упражнение в оружии. Когда не было войны, они скучали; их трудно было удержать от грабежей». Поэтому фараоны «скоро придумали дело» для них — «пройти в глубину Азии и разогнать орды беспокойных кочевников» (комбинация с той же мыслью, что у М. М. Хвостова) [Виппер 1922: 82; сходно по существу — 1925: 66]. Все это построение — также умозрительная догадка, навеянная, очевидно, привлечением аналогий со случаями необходимости «занимать» воинственные социальные слои (в действительности роспуск или испомещение вооруженной силы любого масштаба не представляли бы в Египте обсуждаемой эпохи затруднений для власти).

Значение владений в Азии для египетского государства перечисленные ученые видели прежде всего в уплачиваемой этими владениями дани.

Радикально, хотя и не сразу, отошел от этих концепций В. В. Струве. Первоначально [Струве 1934: 52–53] он констатировал в прежнем духе, что азиатские завоевания XVIII династии прямо продолжали борьбу с гиксосами, а их главным эффектом были «подати, вносимые чужеземцами Египту» (хотя военная добыча, включая пленных, им также отмечается). Совершенно иная концепция выдвигается им позднее (особенно в 1936 г.). Тут «основная причина» экспансии XVIII династии «заключалась в тех социальных сдвигах, которые произошли в конце Среднего царства», когда, по Струве, победило восстание «масс беднейших свободных» (речь, разумеется, о смуте, отраженной в Речении Ипувера), приведшее к тому, что их «сельские общины» «окрепили» [Струве 1936: 256–257, 259; о том же социальном перевороте — 1941: 169, 184–185]; после этой победы правящая верхушка уже не могла «эксплуатировать народные массы» как встарь, и для нужд ее расширяющегося хозяйства ей оставалось «добывать требующуюся рабочую силу извне»; добыча ее в виде военнопленных, т. е. «охота на людей», «погоня за людьми», и составила главную причину и цель походов XVIII династии; в ней активно участвовала и выделившаяся из массы свободных населения зажиточная часть, будто бы представленная в армии колесничными войсками [Струве 1936: 256–257, 259, 261]; в издании 1941 г. эта часть редуцирована, но остается тезис о том, что «охота на людей <...> была важнейшей задачей военных походов», а в централизованно управляемой части государственного хозяйства «основной рабочей силой были военнопленные рабы» [Струве 1941: 180, 183]. Именно для поддержания этой концепции Струве понадобилось изложенное им в тех же пассажах заявление, что эти грабительские походы в течение 100 лет совершались «ежегодно» [Струве 1936: 257; 1941: 175], — ведь не могла же потребность господствующих слоев в рабочей силе удовлетворяться лишь изредка, от случая к случаю. О системе «провинциального» управления завоеванными землями тоже упоминается, но и тут на первом месте выступает не дань, а то, что египтяне «выкачивают из покоренного народа <...> рабочую силу» [Струве 1936: 258; 1941: 178]. «Огромное количество» среди этих пригоняемых пленных составляют, разумеется, рабы [Струве 1936: 258–259; ср. Струве 1941: 180].

Изложенная схема сочетает объяснение крупнейшего военно-политического феномена двумя наиболее востребованными в марксистском обществоведении факторами: итогами классовой борьбы и экономическими эксплуататорскими интересами господствующих слоев. При этом она откровенно ориентируется на аналогии с «рабовладельческим» Римом Поздней республики,

особенно таким, каким он представлялся: войны с целью погони за рабами, стимулируемой крайней ограниченностью возможностей эксплуатации массы рядовых сограждан в силу ее социально-политической организации и защищенности; расслоение этой массы; огромное количество рабов и т. д. Аналогично с Римом Поздней республики Струве [1936: 261] вкратце указывает для Египта XVIII династии и прямо.

Следует подчеркнуть, что изложенная схема не только не имеет подтверждений в источниках (или им противоречит) — она с первого взгляда обнаруживает элементарные неувязки. Эксплуатацией каких же слоев населения жила правящая верхушка все века, начиная от постулируемого В. В. Струве успешного социального переворота в пользу свободной массы (сейчас нет необходимости указывать, что Речение Ипувера, независимо от его датировки, не дает никаких поводов говорить о таком перевороте, да и свидетельств существования в Египте Нового царства общин нет и не было) и до изгнания гиксосов? Каким образом египтяне «выкачивали» из покоренных земель «рабочую силу» в периоды, когда не вели там войн, а просто получали от этих земель дань? Каким образом мог бы работать описанный Струве механизм (требующий постоянного притока пленных), если бы походы велись египтянами так, как это было в действительности — т. е. лишь от случая к случаю, когда та или иная покоренная область отпадала или оказывала неповиновение, — и целые десятилетия могли проходить без таких походов? А если походы велись, как заявляет Струве, «ежегодно», то описанный им механизм функционировать бы мог — но тогда где в источниках следы этих непрерывных походов, если даже сам Струве при последовательном изложении истории Нового царства рисует целые правления, например Хатшепсут и Аменхотепа III, как мирные?

В издании 1941 г. эта схема представлена уже в смягченном виде: не выражен прямо и развернуто тот тезис, что верхушка не могла интенсивно эксплуатировать окрепшие свободные массы и была вынуждена компенсировать этот недостаток войнами за захват рабочей силы; нет и эксплицитной аналогии с Римом. И. А. Ладынин поделился с нами убедительной догадкой (она подлежит проверке по материалам архивных и опубликованных отзывает на работу Струве 1936 г.), что все это могло встретить критику как уже слишком «модернизаторские» оценки, чересчур сближающие стадиально Восток с античностью. Тем не менее все основные моменты этой концепции остались в силе: и главной целью военных походов, будто бы «ежегодных» [Струве 1941: 175], названа «охота на людей» [Там же: 180], и на первом месте среди целей регулярной эксплуатации покоренных названа добыча рабочей силы [Там же: 178].

Любопытен в этом отношении очерк Ю. П. Францова, поскольку к заявленным им самим советско-марксистским подходам он в душе относился крайне отрицательно¹⁴. У него присутствует комбинация основных тезисов немарксистских авторов и В. В. Струве: Яхмос I продолжает борьбу с гиксосами завоеваниями в Азии, чтобы преследовать гиксосов за пределами Египта и прочно обеспечить их изгнание [Снегирев, Францов 1938: 219–220], но у войн Тутмоса I и позднейших царей цель уже совершенно иная и новая — это захват

¹⁴ «Юрий Павлович Францев был очень сложной фигурой. Египтолог с большим будущим, в молодости он загубил себя, “продавшись большевикам”, как говорил сам, и никогда не мог себе этого простить» [Грушин 1999: 213].

«огромного количества» рабов и военной добычи [Там же: 220, 223, 226]; упоминаются и «революционные движения рядовых свободных и рабов» в конце Среднего царства, подорвавшие будто бы могущество знати [Там же: 228]. Однако все эти тезисы поданы в неакцентированном виде, в противоположность вышедшему чуть ранее учебнику [Струве 1936].

Таким образом, в объяснении причин новоегипетской экспансии в литературе рассматриваемого периода доминируют более или менее умозрительные объяснения (что было неизбежным постольку, поскольку дошедшие источники доказательного материала по этому вопросу не предоставляли), причем и здесь в наименьшей степени это выражено у Б. А. Тураева, а в наибольшей — в марксистской схеме В. В. Струве, которая именно в этой части идет уже на прямой конфликт и с имеющимися данными, и просто с логикой. Характерно для этих умозрительных построений влияние общего аналогизирования с распространенными историческими моделями, не столько подкрепляемого материалом источников данного времени, сколько используемого как основа, к которой этот материал подверстывают, — в качестве такой основы служат то известные модели взаимодействия оседлого общества с недавно разорявшими его кочевниками (М. М. Хвостов, Р. Ю. Виппер), то распространенное в истории европейского Средневековья и модерна проведение активной внешней экспансии с целью разрешить внутреннее социальное напряжение и «занять» грозившие смутами вооруженные группы (Р. Ю. Виппер), то социально-экономические процессы в «классическом рабовладельческом» Риме (В. В. Струве). Историки, занимающиеся марксистской переработкой истории древнего Востока, в этом отношении мало чем отличаются от немарксистов (лишь личные особенности В. В. Струве и радикальность поставленных им задач определили то, что созданные им умозрительные схемы не просто являются домыслением к данным источников, а существенно им противоречат), и видеть здесь надо не влияние давления и социального заказа советской власти (они отвечают только за конкретную направленность некоторых из этих умозрительных схем), а общие тенденции, распространенные в историческом знании конца XIX — первой половины XX в. Разве такие «веховые» концепции того времени, как капитализм в античности (Эд. Мейер, М. Ростовцев) или архаические полисные революции Греции как результат борьбы разбогатевшей верхушки демоса с аристократией, в меньшей степени оторваны от конкретного материала источников и в меньшей степени навеяны аналогиями с европейским опытом (капитализма в первом случае и буржуазных революций XVIII–XIX вв. во втором), чем построения, по иным аналогиям заставляющие фараонов XVIII династии идти походами в Азию, чтобы отдалить от границ Египта кочевников, занять беспокойное воинство или покрыть невосполнимый за счет собственного населения дефицит эксплуатируемого труда? Таким образом, в приведенных нами примерах скорее можно видеть влияние универсальных объяснительных принципов тогдашней исторической науки, чем специфически советское явление.

На этом фоне нуждается в специальном комментировании тот факт, что степень отрыва тех или иных умозрительных построений от источников, а иногда и вступления в противоречие с ними, оказывается в пределах изученного сюжета более высокой именно в рамках работ «марксистского» направ-

ления (и вообще не выражена у Б. А. Тураева). Если преувеличение масштабов и прочности завоеваний XVIII династии в Азии, вызванное давлением общего характера большинства доступных источников, является почти одинаковым во всех прослеженных случаях (а имеющиеся различия определяются скорее индивидуальными особенностями исследователя, чем его общими историософскими концепциями), то применение умозрительных «достраиваний» материала (в какой-то мере неизбежное при любом историческом исследовании) обнаруживает гораздо больший разброс, коррелирующий именно с «марксистскими» и с немарксистскими ориентациями, и именно у носителей первых вступает уже в явное противоречие с источниками. Объяснять это, по нашему мнению, нужно не тем, что марксистская историософия как таковая в этом отношении чем-то существенно отличалась, например, от веберовской, а тем, что тот конкретный вариант марксистских интерпретаций истории древнего Востока, который оказался наиболее востребованным советским руководством: представление древности, по меньшей мере античной, как эпохи господства рабовладельческих отношений, предшествующих на лестнице линейного развития формаций феодальному Средневековью, — поневоле требовал от принимающих этот взгляд ученых применять куда более произвольные умозрения (вступающие уже в противоречие с источниками), чем предусматривалось бы общими тенденциями мировой историографии той эпохи. На деле — и это достаточно ясно следовало из массива имевшихся уже тогда данных — государство XVIII династии, ведшее азиатскую экспансию, как и ее элита, получало подавляющую часть своих средств от податной, повинностной и иной эксплуатации работников нерабского статуса, располагавших собственным имуществом и т. д., и азиатская сфера власти Египта также использовалась прежде всего как поставщик дани. Но в рамках восторжествовавшего в СССР варианта марксизма это перекликалось бы с «феодализмом» (в социально-экономическом понимании), а уподобление общественного строя Египта и древнего Востока феодализму (неоднократно появлявшееся в мировой и отечественной историографии конца XIX — XX в.) нарушало бы линейную прогрессивную последовательность формаций, ожидаемую в рамках общей марксистской историософии, где феодализм должен был бы возникать лишь после античности / рабовладельческой формации. Попытки же увидеть в Египте Нового царства нечто подобное «рабовладельческому общественному строю» и понимать соответствующим образом его экспансию неизбежно требовали (даже независимо от индивидуальных черт того или иного ученого) намного большего отрыва от источников, чем умозрительные схемы других специалистов, не задававшихся такими целями; между тем само распространение умозрительных схем как таковых создавало определенные предпосылки и для подобных попыток.

Источники

ARE — Ancient records of Egypt / Ed. by J. H. Breasted: 5 vols. Chicago: Univ. Press, 1906.
Urk. IV — *Sethe K.* Urkunden der 18. Dynastie. Leipzig: Hinrichs; Berlin: Akademie-Verlag, 1906–1958.

Литература

- Авдиев 1959 — *Авдиев В. И.* Военная история древнего Египта. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Алмазова 2017 — *Алмазова Н. С.* На рубеже эпох: Лекционные курсы М. М. Хвостова по древней истории в преподавании 1900–1920-х гг. // *Scripta Antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры.* Т. 6. 2017. С. 313–326.
- Алмазова 2019 — *Алмазова Н. С.* Единая концепция истории древности Р. Ю. Виппера в его работах дореволюционного периода // *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории = Aristeas: Philologia classica et historia antiqua.* Т. 20. 2019. С. 264–287.
- Бирюков 2000 — *Бирюков Б. В.* «Цель вполне практическая. Только и всего». Репрессированная книга: истоки явления // *Человек читающий: Homo legens* — 2 / Отв. ред. Б. В. Бирюков, И. А. Бутенко. М.: Рос. ин-т культурологии, 2000. С. 87–122.
- Брэдстед 1915 — *Брэдстед Д. Г.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания / Пер. с англ.: В 2 т. М.: Книгоизд-во М. и С. Сабашниковых, 1915.
- Грушин 1999 — *Грушин Б. А.* Горький вкус невостребованности // *Российская социология шестидесятых годов* / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Изд-во Рус. христианского гуманитарного ин-та, 1999. С. 205–228.
- Виппер 1922 — *Виппер Р. Ю.* Древняя Европа и Восток. М.: Госиздат, 1922.
- Виппер 1925 — *Виппер Р. Ю.* Учебник истории. Древность. Рига: Вальтере и Рапа, 1925.
- Володихин 1997 — *Володихин Д. М.* «Очень старый академик»: Оригинальная философия истории Р. Ю. Виппера. М.: УРАО, 1997.
- Ильин-Томич 2016 — *Ильин-Томич А. А.* «Социальный переворот» в Египте в трудах В. В. Струве // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского.* 2016. № 2 (4). С. 35–46.
- Крих 2013 — *Крих С. Б.* Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013.
- Крих 2015 — *Крих С. Б.* Как не написать труд всей жизни: случай академика В. В. Струве // *Мир историка: Историографический сб.* Вып. 10 / Отв. ред. В. П. Корзун, С. П. Бычков. Омск: Изд-во Ом[ск]. гос. ун-та, 2015. С. 241–273.
- Крих 2016а — *Крих С. Б.* В. В. Струве и марризм // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского.* 2016. № 2 (4). С. 47–72.
- Крих 2016б — *Крих С. Б.* И. М. Дьяконов против В. В. Струве: полемика на полях Шумера // *Вестник древней истории.* Т. 76. № 4. 2016. С. 1013–1031.
- Крих 2018 — *Крих С. Б.* История поражения: Н. М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ // *Восток (Oriens).* 2018. № 1. С. 13–22.
- Ладынин 2016а — *Ладынин И. А.* Труд Манефона Севеннитского и история Египта I тыс. до н. э. в исследованиях В. В. Струве // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского.* 2016. № 2(4). С. 73–104.
- Ладынин 2016б — *Ладынин И. А.* Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность»?) // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского.* 2016. № 2 (4). С. 9–32.
- Ладынин 2019а — *Ладынин И. А.* Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В. В. Струве 1910-х — начала 1930-х гг. // *Диалог со временем.* № 69. 2019. С. 251–267.
- Ладынин 2019б — *Ладынин И. А.* Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX века // *Вестник древней истории.* Т. 79. № 3. 2019. С. 772–796.
- Романовский 2003 — *Романовский Н. В.* Первый президент Советской социологической ассоциации (к 100-летию со дня рождения Г. П. Францева) // *Социологические исследования.* 2003. № 9. С. 123–127.
- Снегирев, Францов 1938 — *Снегирев И. Л., Францов Ю. П.* Древний Египет: исторический очерк. Л.: ОГИЗ; Соцгиз, 1938.

- Струве 1934 — *Струве В. В.* История древнего Востока: Краткий курс. М.: ОГИЗ; Соцэкиз, 1934.
- Струве 1936 — *Струве В. В.* История древнего мира. Т. 1: Древний Восток / Ред. С. И. Ковалёв. М.: Соцэкиз, 1936.
- Струве 1941 — *Струве В. В.* История древнего Востока. Л.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941.
- Струве 1948 — *Струве В. В.* Б. А. Тураев — крупнейший историк древнего Востока // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 75–83.
- Тураев 1913 — *Тураев Б. А.* История древнего Востока: Курс лекций, читанный в СПб. Университете: В 2 ч. 2-е изд. СПб.: Безобразов и К°, 1913.
- Тураев 1922 — *Тураев Б. А.* Древний Египет. Пг.: Огни, 1922.
- Тураев 1935 — *Тураев Б. А.* История Древнего Востока. Т. 1–2. Л.: ОГИЗ; Соцэкиз, 1935.
- Францев 1956 — Всемирная история: В 10 т. Т. 1 / Отв. ред. Ю. П. Францев. М.: Госполитиздат, 1956.
- Хвостов 1909 — *Хвостов М. М.* История древнего Востока. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1909.
- Хвостов 1927 — *Хвостов М. М.* История древнего Востока / Ред. Г. Пригоровский. М.; Л.: Госиздат, 1927.
- Шаров 2001 — *Шаров А. В.* Тураев Борис Александрович (1868–1920) // Историки России: Биографии / Ред. А. А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 462–470.
- Breasted 1905 — *Breasted J. H.* A history of Egypt, from the earliest times to the Persian Conquest. New York: Charles Scribner's Sons, 1905.
- Breasted 1931 — *Breasted J. H.* Chapters III–V // Cambridge Ancient History. Vol. 2: The Egyptian and Hittite Empires to 1000 BC. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1931. P. 40–108.
- Helck 1962 — *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962.
- Klengel 1965–1970 — *Klengel H.* Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z. Bd. 1–3. Berlin: Akademie Verlag, 1965–1970.
- Meyer 1884–1902 — *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. 1–5. Stuttgart: Cotta, 1884–1902.
- Weidner 1923 — *Weidner E. F.* Politische Dokumente aus Kleinasien: Die Staatsverträge in akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi. Leipzig: Heinrichs, 1923.

References

- Almazova, N. S. (2017). Na rubezhe epokh. Lektsionnye kursy M. M. Khvostova po drevnei istorii v prepodavanii 1900–1920-kh gg. [At the turn of the eras. Lecture courses by M. M. Khvostov on ancient history in the teaching of 1900–1920s.]. *Scripta Antiqua: Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury*, 6, 313–326. (In Russian).
- Almazova, N. S. (2019). Edinaia kontsepsiia istorii drevnosti R. Iu. Vippera v ego rabotakh dorevoliutsionnogo perioda [R. Yu. Vipper's unified concept of the history of antiquity in his works of the pre-revolutionary period]. *Aristei: Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii = Aristes. Philologia classica et historia antiqua*, 20, 264–287. (In Russian).
- Avdiev, V. I. (1959). *Voennaia istoriia drevnego Egipta* [Military history of Ancient Egypt] (Vol. 2). Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian).
- Biriukov, B. V. (2000). “Tsel' vpolne prakticheskaia. Tol'ko i vsego”. Repressirovannaia kniga: istoki iavleniia [“The goal is quite practical. That's all”. The repressed book: The origins of the phenomenon]. In B. V. Biriukov, & I. A. Butenko (Eds.). *Chelovek chitaiushchii: Homo legens — 2* (pp. 87–122). Rossiiskii institut kul'turologii. (In Russian).
- Breasted, J. H. (1905). *A history of Egypt, from the earliest times to the Persian conquest*. Charles Scribner's Sons.

- Breasted, J. H. (1931). Chapters III–V. In *Cambridge Ancient History*, (Vol. 2) *The Egyptian and Hittite Empires to 1000 BC.*, 40–108. Cambridge Univ. Press.
- Frantsev, Iu. P. (Ed.) (1956). *Vsemirnaia istoriia* [World history] (10 Vols.) (Vol. 1). Gospolitizdat. (In Russian).
- Grushin, B. A. (1999). Gor'kii vkus nevestrebovannosti [Bitter taste of lack of demand]. In G. S. Batygin (Ed.), *Rossiiskaia sotsiologiia shestidesiatykh godov* (pp. 205–228). Russkii khristianskii gumanitarnyi institut (In Russian).
- Helck, W. (1962). *Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr.* Harrassowitz. (In German).
- Il'in-Tomich, A. A. (2016). “Sotsial'nyi perevorot” v Egipte v trudakh V. V. Struve [“Social revolution” in Egypt in the works of V. V. Struve]. *Vestnik Universiteta Dmitriia Pozharskogo*, 2016(2(4)), 35–46. (In Russian).
- Khvostov, M. M. (1909). *Istoriia drevnego Vostoka* [History of the ancient East]. Tipolitografiia Imperatorskogo universiteta. (In Russian).
- Khvostov, M. M. (1927). *Istoriia drevnego Vostoka* [History of the ancient East]. (G. Prigorovskii, Ed.). Gosizdat. (In Russian).
- Klengel, H. (1965–1970). *Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z* (3 Vols.). Akademie Verlag. (In German).
- Krikh, S. B. (2013). *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The image of antiquity in Soviet historiography]. KRASAND. (In Russian).
- Krikh, S. B. (2015). Kak ne napisat' trud vsei zhizni: sluchai akademika V. V. Struve [How not to write the work of a lifetime: The case of academician V. V. Struve]. In V. P. Korzun, & S. P. Bychkov (Eds.). *Mir istorika: Istoriograficheskii sbornik* (Vol. 10, pp. 241–273). Izd-vo Om. gos. un-ta. (In Russian).
- Krikh, S. B. (2016a). V. V. Struve i marrizm [V. V. Struve and Marrism]. *Vestnik Universiteta Dmitriia Pozharskogo*, 2016(2(4)), 47–72. (In Russian).
- Krikh, S. B. (2016b). I. M. D'iakonov protiv V. V. Struve: polemika na poliakh Shumera [I. M. Diakonoff against V. V. Struve: Controversy in the fields of Sumer]. *Vestnik drevnei istorii*, 76(4), 1013–1031. (In Russian).
- Krikh, S. B. (2018). Istoriia porazheniia: N. M. Nikol'skii v bor'be za ponimanie obshchestvennogo stroia drevnevostochnykh obshchestv [Story of a defeat: N. M. Nikol'sky in the struggle for understanding the social structure of ancient Eastern societies]. *Vostok (Oriens)*, 2018(1), 13–22. (In Russian).
- Ladynin, I. A. (2016a). Trud Manefona Sevensnitskogo i istoriia Egipta I tys. do n. e. v issledovaniakh V. V. Struve [The work of Manetho the Sebennyte and the history of Egypt in the 1st millennium BC. in the studies of V. V. Struve]. *Vestnik Universiteta Dmitriia Pozharskogo*, 2016(2(4)), 73–104. (In Russian).
- Ladynin, I. A. (2016b). Osobennosti landshafta (Naskol'ko marksistskoj byla “sovetskaia drevnost”?) [Features of the landscape (How Marxist was “Soviet antiquity”?)]. *Vestnik Universiteta Dmitriia Pozharskogo*, 2016(2(4)), 9–32. (In Russian).
- Ladynin, I. A. (2019a). Kontseptsiiia feodalizma na drevnem Vostoke i raboty V. V. Struve 1910-kh — nachala 1930-kh gg. [The concept of feudalism in the ancient East and the work of V. V. Struve of the 1910s — early 1930s]. *Dialog so vremenem*, 69, 251–267. (In Russian).
- Ladynin, I. A. (2019b). Poniatie “drevnii Vostok” v otechestvennoi istoriografii XX veka [The concept of “Ancient East” in the national historiography of the twentieth century]. *Vestnik drevnei istorii*, 79(3), 772–796. (In Russian).
- Meyer, Ed. (1884–1902). *Geschichte des Altertums* (5 Vols.). Cotta.
- Romanovskii, N. V. (2003). Pervyi prezident Sovetskoj sotsiologicheskoi assotsiatsii (k 100-letiu so dnia rozhdeniia G. P. Frantseva) [The first president of the Soviet Sociological Association (to the 100th anniversary of the birth of G. P. Frantsev)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2003(9), 123–127. (In Russian).

- Sharov, A. V. (2001). Turaev Boris Aleksandrovich (1868–1920). In A. A. Chernobaev (Ed.). *Istoriki Rossii: Biografii* (pp. 462–470). ROSSPEN. (In Russian).
- Snegirev, I. L., Frantsov, Iu. P. (1938). *Drevnii Egipet: istoricheskii ocherk* [Ancient Egypt: A historical outline]. OGIZ; Sotsekgiz. (In Russian).
- Struve, V. V. (1934). *Istoriia drevnego Vostoka. Kratkii kurs* [History of the ancient East. A short course]. OGIZ; Sotsekgiz. (In Russian).
- Struve, V. V. (1936). *Istoriia drevnego mira* [History of the ancient world], (Vol. 1) *Drevnii Vostok* [Ancient East]. Sotsekgiz. (In Russian).
- Struve, V. V. (1941). *Istoriia drevnego Vostoka* [History of the ancient East]. OGIZ; Gospolitizdat. (In Russian).
- Struve, V. V. (1948). B. A. Turaev — krupneishii istorik drevnego Vostoka [B. A. Turaev — the greatest historian of the ancient East]. *Vestnik drevnei istorii*, 1948(2), 75–83. (In Russian).
- Turaev, B. A. (1913). *Istoriia drevnego Vostoka: Kurs lektsii, chitannii v SPB. Universitete* [History of the Ancient East: Course of lectures given at St. Petersburg University] (2 Vols., 2nd ed.). Bezobrazov i K^o. (In Russian).
- Turaev, B. A. (1922). *Drevnii Egipet* [Ancient Egypt]. Ogni. (In Russian).
- Turaev, B. A. (1935). *Istoriia Drevnego Vostoka* [History of the ancient East] (Vols. 1–2). OGIZ; Sotsekgiz. (In Russian).
- Vipper, R. Iu. (1922). *Drevniaia Evropa i Vostok* [Ancient Europe and the East]. Gosizdat. (In Russian).
- Vipper, R. Iu. (1925). *Uchebnik istorii. Drevnost'* [A textbook of history. Antiquity]. Val'tere i Rapa. (In Russian).
- Volodikhin, D. M. (1997). “Ochen' staryi akademik”: *Original'naia filosofiia istorii R. Iu. Vippera* [“A very old academician”: The original philosophy of history by R. Yu. Vipper]. URAO. (In Russian).
- Weidner, E. F. (1923). *Politische Dokumente aus Kleinasien: Die Staatsvertraege in akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi*. Heinrichs. (In German).

* * *

Информация об авторе

Александр Аркадьевич Немировский
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник, отдел
сравнительного изучения древних
цивилизаций, Институт всеобщей
истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: + 7 (495) 954-44-32
старший научный сотрудник,
Международный центр антропологии,
Национальный исследовательский
институт «Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4
Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22161
✉ sidelts@inbox.ru

Information about the author

Alexander A. Nemirovsky
Cand. Sci. (History)
Senior Researcher, Department
of Comparative Study of Ancient Civilizations,
Institute of World History of the Russian
Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt,
32a
Tel: + 7 (495) 954-44-32
Senior Researcher, International Center
of Anthropology, National Research University
Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya
Str., 21/4
Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22161
✉ sidelts@inbox.ru

А. С. Архипова ^{abc}

ORCID: 0000-0001-8853-0003

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com

Б. С. Пейгин ^a

ORCID: 0000-0003-1493-6283

✉ bspeigin@gmail.com

^a Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

^b Центр Вильсона (США, Вашингтон)

^c Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)

МИНИСТЕРСТВО ПРАВДЫ: КАК РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО БОРЕТСЯ СО СЛУХАМИ В ЭПОХУ КОРОНАВИРУСА

Аннотация. Основная задача статьи — выяснить, как российские власти, используя, с одной стороны, фактчекинговые ресурсы, с другой — правоохранные практики, борются со слухами и «фейками» о коронавирусе в 2020–2021 гг. Чтобы узнать, что, с точки зрения властей, считается наиболее опасными слухами и «фейковыми» новостями, мы построили три базы данных: инфодемические нарративы в социальных сетях (6,2 млн репостов с 1 января 2020 по 30 апреля 2021 г.), дела о привлечении к ответственности распространителей «фейков» (240 дел с февраля 2020 г. по август 2021 г.) и разоблачения «фейков» на sogonafake.ru (194 случая). Большая часть инфодемических текстов в российских социальных сетях (65%) представляют собой антивакцинационные слухи и псевдомедицинские советы. Большинство же «фейковых текстов» (84%), которые стали предметом судебных дел и государственного фактчекинга, заявляют о возможных негативных социально-политических сценариях пандемии коронавируса и отражают недоверие к действиям государственных структур. При этом крайне популярные антивакцинационные слухи и псевдомедицинские советы, способные негативно повлиять на поведение людей, почти не привлекли внимания государственных структур. Таким образом, политика российского государства в борьбе с инфодемией оказывается ориентированной в основном на сохранение легитимности государственных институтов и общественного доверия к ним, а не на обеспечение здоровья населения.

Ключевые слова: инфодемия, коронавирус, фольклор, фактчекинг, sogonafake.ru, фейковые новости, слухи